

18+

Елена Соколова

Время чудес

Стихи и проза разных лет

Елена Соколова

**Время чудес. Стихи
и проза разных лет**

«Издательские решения»

Соколова Е.

Время чудес. Стихи и проза разных лет / Е. Соколова —
«Издательские решения»,

В этой книге собраны стихи и проза разных лет — начиная с 2016 года и по сегодняшний день. Десятилетие творческой деятельности, своеобразный отчёт писательницы перед самой собой и читателями. Сегодня такая форма сборников — редкость, ибо она «вне жанра», но именно такая подача способна осветить различные грани стиля, характера и глубины творческого мышления и метода писателя.

© Соколова Е.

© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ	6
О горьком детстве и о красоте	6
Немного размышлений, как и полагается	7
МОЙ ПУТЬ	9
Монолог писателя (обращённый к читателю)	10
ОСКОЛКИ	14
РЫЖИК, ЛАРА — ДВЕ СЕСТРЫ	15
Место действия	15
Интерьеры	16
День сегодняшний	18
Вот так встреча!	20
Шаг в прошлое	22
Шаг обратно	24
Мир с иголочку	26
Вкус свободы	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Время чудес Стихи и проза разных лет

Елена Соколова

Редактор Белисса Бурова

Корректор Наталия Соколова

Фотограф (фото обложки) Елена Соколова

© Елена Соколова, 2026

ISBN 978-5-0070-0153-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

О горьком детстве и о красоте

Немного размышлений, как и полагается

Когда ты некрасив в детстве и думаешь, что никогда не будешь красивым, ты инстинктивно стараешься возместить ущерб, заполнить свою пустоту красотой чужой. Ты тянешься к красивым людям, вещам и мыслям. Красота других становится твоей от того, что ты делаешь её частью своей жизни. Ты стараешься подружиться с самыми интересными и необычными людьми, ты читаешь необычные книги, ты придумываешь себе необычные хобби. Красота нестандартна, а прекрасное уникально и ты стараешься быть, стать уникальным, дабы возместить свою некрасивость, ибо веришь в обратное — уникальность есть свойство прекрасного, а прекрасное всегда красиво. И следуя этому пути, ты можешь стать красивым.

И это работает. Более того, инстинктивно ты, маленький ребёнок, находишь самый верный, самый прямой и самый надёжный путь, потому что только так это и работает. «Скажи мне кто твой кумир, и я скажу кто ты». Чем выше цель, чем прекраснее образ, тем дольше путь к ним и тем точнее и тоньше огранка. Она всегда мучительна. Но итог стоит того.

Отсвет мира красоты ложится на твоё лицо и делает его прекрасным.

Мир, которым ты восхищаешься, всегда преобразует тебя.

И если ты выбрал мир и самом деле достойный восхищения — ты будешь вознаграждён. «Рано или поздно, так или иначе» — как сказал однажды Макс Фрай.

Особенные знают свою особенность с пелёнок. Мало кто принимает это сразу, большинство сначала ненавидит — и себя, и этот излом в себе. Отсюда первичная отстранённость, стадия изгоя, через болезненные попытки стать как все переходящая в привычку одиночества, — и всё это постепенно трансформирует личное пространство, которое заполняется пережитым и прожитым тобой. И тогда излом становится формой тела и отсюда, с этого момента, начинается создание собственной вселенной.

Отныне особенный — не подходит близко сам и не подпускает других к себе. Он бережёт личное пространство, чтобы не оставались в нём следы чужого присутствия и чужих энергий — их потом так сложно вычищать. Внутренняя сила отторгает тех, кто не созвучен, она ждёт или равного себе или того, кто мощнее — как возможного наставника.

Люди вокруг, даже если не понимают что происходит, всё равно это чувствуют. Они чувствуют, что «не допущены». Они видят, что их — тем самым! — контролируют. Управляют ими. Не напрямую, но управляют.

Люди не знают причин, но видят в этом несправедливость. Их сложно за это винить. Когда кто-то талантлив более, чем другие, это и впрямь выглядит нечестно, пока не вспоминаешь о цене. Но люди редко думают о цене. Не потому что им до этого не додуматься, а потому что думать об этом — неприятно. Некомфортно.

Никто не восхищается шипами. Ибо не принято. Но они — неотъемлемая часть розы.

Главное для особенного — терпение. Надо дать время важному найти вас и дойти до вас. На это время шипы — оберег, но в любой миг на них могут повиснуть капли вашей собственной крови, потому что именно из них вырастет роза. И если в вас есть сила и подлинный талант, этот миг придёт, потому что в этом — главное назначение шипов. Боль — точка роста для творца. Боль — обратная сторона любого волшебства, любого чуда.

Подлинный творец в настоящем слышит одного себя. Он готов предвосхищать и прислушиваться к творцам будущим, с благоговением внимать собратям из прошлого, но вот тех, кто рядом, в моменте — нет. Не потому что злой, а потому, что мешают. Излишне требовательны — как и он сам.

Те, из прошлого, уже не суетятся, они просто есть. Они величественны, им всё равно, придешь ты на поклон или нет; будущие — ещё в зачатке или просто не существуют. А те,

что рядом — требуют внимания. И чем достойнее они — тем сильнее покушаются на личное пространство. Одним своим присутствием.

Подлинные творцы, как правило, это быстро просекают и пресекают. Не от зла или ревности, просто из самосохранения. Или он, или я. Нельзя быть творцом чужого.

Поэтому и одиноки Истинные. Это не вина, не ущерб, не наказание. Это как цвет глаз. Можно замаскировать линзами, но поменять — невозможно.

Единственное спасение — осознать, что так и должно быть. И сделать это как можно раньше. Хотя так никогда не получается. Всё приходит лишь когда вы к этому готовы. Всё приходит вовремя. Или даже не так. Оно приходит либо вовремя, либо не приходит вообще.

В этой мысли спасение для особенного и истинная красота.

Красота Истины.

МОЙ ПУТЬ

*«Философия —
просто осколок разбитого зеркала
универсальной гармонии,
попавший в глаз или в душу».
(М.К.Мамардашвили)*

Монолог писателя (обращённый к читателю)

Позволь мне ещё немного поговорить с тобой, друг мой, открывший эти страницы. Я не знаю, стоит ли, но знаю, что должна попробовать. Здесь, перед тобой — нечто розное и разрозненное, но оно сковано в одну цепь — мной самой, моим сердцем.

Теперь так не принято, но иногда только так и нужно, только так и можно.

Возможно — это тот самый излом, возможно — та самая особость, возможно это неправильность, но и они могут быть красивы, и они могут быть достойны.

И внимания, и любви.

Я очень надеюсь, что это так.

Долгие годы я писала «в себя», потому что была уверена — я недостойна того прекрасного, о котором мечтаю, и всё, что придумывается — это мыльные пузыри, которые лопнут, едва я коснусь их. Нет, думала я, пусть созреет что-то стоящее, что заставит меня, наконец, перелить образы в слова на бумаге. Пусть созреет и выйдет наружу. И я ждала.

А потом ко мне пришла сказка. Точнее, её обрывок, или лучше сказать — осколок. Он был таким резким, ярким, острым — как внезапный приступ боли, как огонь, пылающий под закрытыми веками, после того как ты взглянул в упор на солнце.

Он, осколок этот, пришел внезапно, это было как удар, как молния, как раскат грома среди ясного полдня. И я... записала его. На обрывке листа бумаги. Чтобы не забыть, мало ли что — сказала я себе, — слишком часто так получалось.

Но это было другое. Это моя Сила, та, что часть и малая частичка Силы Единой, всё-таки нашла способ выйти наружу. Причём, в полном соответствии со всеми моими отмазками.

С тех пор жизнь моя — отражение одного-единственного: «Пока пишу — дышу. Останавливаюсь — и задыхаюсь».

Ты, возможно, посмеешься надо мной, читатель, но в этом ритме живёт не только мое сознание, в нём живёт и моё тело. От этого нет у меня других дорог — мне остаётся только писать, иначе рискую и впрямь задохнуться раньше времени.

Но лучше умереть от усталости, чем от тоски.

За окном сейчас осень в зелени и золоте, и тепло — теплее, кажется, чем даже летом было, ветра нет, тихо.

Осень — пора зрелых душ, тех, кто умеет ценить каждый уходящий миг. Ценить с радостью и надеждой.

Каждый раз, когда я сажусь за работу вплотную, я — вот оно, счастье! — просыпаюсь по утрам в совершенном покое, без этого краткого укола растерянности — черного провала, который острым зрачком цепляет тебя и на миг вгрызается в грудь. Без этого внезапного страха от кажущейся (или действительной) бессмысленности существования.

Глубокое погружение требует времени. Самоконтроля. Самоотверженности. Отказа от сиюминутного, иначе в руках у тебя в конце концов вместо нового мира оказывается колода замусоленных карт, которые ты тщетно пытаешься сложить в новом порядке, но никакие комбинации не отменяют банальной данности того, что это всё те же разрозненные, старые и уже ничего не значащие кусочки раскрашенного картона. Оно требует отказа от надежды — «глупого чувства», как назвал её однажды Макс Фрай.

Смирение, терпение и вера — вот что здесь нужно. То смирение, которое требует мужества большего, чем подвиг, смирение, исполненное любви истинной, без примеси себялюбия, ревности и корысти. Смирение, которое больше чем жертва, смирение, которое есть отречение. Жертва — это всегда кому-то или во имя; это шаг в мир, напоказ, пусть даже на мгновение

одно. Смирение же — отказ себе и уход от мира. Тот, кто смиряется, словно отворачивается и от себя тоже. Но смирение безгласно и нерассуждающе по природе своей, а потому вера и терпение обязательны. В них есть страсть, есть мужество, они как голос гневный и яростный — это хорошо, это важно, одно лишь смирение может убить душу совсем, нельзя ей с ним один на один оставаться.

И здесь, на этой глубине сущего нужна доброта, которую рождает любовь, которая сама и есть — смирение, вера и мужество.

Каждый раз, когда я начинаю набрасывать текст, думаю: зачем только, ну зачем? Сама не знаю.

А зачем мы вообще живем?

«Если б я не создал свой мир, я бы умер в чужих». Кто это сказал? Кажется, Тарковский. Не помню.

Да, порой единственный способ остаться жить в чуждом тебе мире — это поселиться в том, что создан тобой. Такое удаётся единицам и на это может уйти вся жизнь, но это именно то, на что стоит положить эту самую жизнь — во имя мира собственного, а не чужого и опасного. Мира, где ты говоришь «да», когда нужно сказать «да», и говоришь «нет», когда нужно сказать «нет». Из всей бездны правил совершенствования себя, кочующих в Сети — это единственное необходимое. Всё прочее лишь повторы и иновыражения. Говоря «да» — ты открываешь дверь к себе, говоря «нет» — закрываешь её. Через эту дверь к тебе приходят люди и вещи, события и энергия. Приходят — и уходят тем же путем. Дверь — это Путь.

И нужно беречь своё личное пространство и ухаживать за ним. Оно как сад вокруг дома — если заботаешься о нём, он будет радовать тебя, согревать, служить источником утешения, пищей, кровом, защитой. Если нет — твой сад, твоё личное пространство превратится в непролазные джунгли, которые тебе будет не преодолеть, и в них ты станешь добычей тех, кто придёт за тобой. Твой сад не станет тебе защитой, разве что могилой.

Стоит ли класть свою жизнь во имя смерти?

Может быть лучше потратить дни во имя жизни?

Те, кто любит тебя — всё равно будут с тобой, они найдут способ, время и место, люди ведь очень изобретательны, когда им действительно что-то нужно.

И — нет, это не просто рассуждения. Это работает. Это проверено. На собственной шкуре.

Я вполне могу открыть курсы по выживанию.

Возможно, когда-нибудь я так и сделаю.

Но не сейчас. Позже.

Сейчас всё ещё нужно выжить.

Мне кажется, кто-то всё время должен рассказывать людям, как всё обстоит на самом деле, и есть важные вещи — их всё время надо повторять, снова и снова, они быстро забываются, потому что приходят только через боль. А человек боли не любит, хотя и знает, что она нужна ему. Он даже ищет её время от времени, инстинктивно, потому что понимает: только от неё будет ему достойный урок. И всё же не любит — а потому быстро забывает и саму боль, и её уроки, и тогда Судьбе приходится напоминать ему — разными путями. Повышая градус боли, но повторяя одни и те же беды, или расширяя область бед и вовлекая в неё всё новые и новые сферы его существования, часто вместе с теми, кто близок и дорог человеку. А иногда — иногда она просто наносит сокрушительный удар после длинной череды легких ненавязчивых звонков.

Этот последний путь — для Одарённых. Для тех, кто был рождён, чтобы стать воплощением Истин Судьбы, или тех, кто, познав эти Истины в долгом и трудном пути, на собственном опыте, усвоили их в результате столь глубоко, что готовы безвозмездно и неустанно делиться

ими с миром. Из первых выходят лидеры — пророки, полководцы, реформаторы, а из вторых демиурги — ученые, поэты, писатели.

Итак — я пишу, и стараюсь делать это как можно лучше, а главное — как можно правдивее. Правда, поскуливаю порой — но больше для блезиру, если честно. Как там было у Корнея Чуковского в его знаменитом «От двух до пяти»: «Я не тебе плачу, а тётё Симе...». Вот и у меня — нечто в том же духе.

Иногда всё же заостряюсь: ну, скажи, скажи, сознайся, ну хоть себе под нос, хоть шёпотом — зачем? Всё равно — ни денег, ни славы. Поздно всё, всё не вовремя.

Но мне однажды сказали важное: «Вы заставляете задуматься...»

Как у Шварца: «Зачем нужна смерть героев? Зачем нужны печальные концы?»

И ответ Волшебника: «Они заставляют задуматься оставшихся в живых».

Печальны не печальные концы, в конце концов, все там будем. Печально то, что по-другому — мы не понимаем.

А то, что пишу в стол... Ну, во-первых, не так уж и в стол (аллилуйя Сети), а во-вторых, может быть, именно сейчас и есть — вовремя? Может быть — так и надо?

Но ведь не узнаешь, пока не сделаешь, а главное — пока не отойдёшь от сделанного подальше.

Да, я вольна писать, но вольна и не делать этого, ибо — зачем?

Деятельность, что не приносит пользы — бессмысленна. Она иссушает. Результатом должно быть хоть что-то. Благодарность. Чувство собственного достоинства. Радость. Улыбка. Спокойствие души.

Зачем — самый главный вопрос. Он о смысле, заложенном внутри мира, нас самих.

Внутренний смысл — внутренний стержень, опора и суть. Внутренний смысл — как вектор, как лестница. Лестница в небо, по которой ты свободен идти, идти бесконечно.

Но человек конечен. А его душа?

Мы потому и выжили на этой планете, потому и способны оставаться людьми, что есть в нас нечто сопротивляющееся насилию и злу, и в этом суть нашей природы, и никакие кризисы, пытки, лишения и боль не способны угасить главного в нас — сопротивления души. Чего-то, такого «эфемерного» с точки зрения практической медицины, такого «неизвестно где располагающегося» с точки зрения физиологии, и такого — с точки зрения философии, — «однозначно несуществующего, но всё время присутствующего», внутреннего нашего «Я».

Я пишу, потому что не могу иначе. И никогда не устаю от сочинительства, ибо оно во мне река и бесконечность. Я словно смотрю киноленту, что показывает мне некто по имени Беспредельность. Я не знаю, где это хранится и откуда берётся. Я вижу свои будущие книги как фильм в кинотеатре — цветным широким экраном, с музыкой и голосами. Это забирает почти все силы и не дает отвлекаться на уютные мелочи простого человеческого существования.

Я живу с мыслью, что участь тех, кого избрали Высшие — зачастую печальна.

И мысли этой присуще столь неизбывное достоинство, что одна только мечта быть причастным хотя бы краем — возвышает, смиряет и оправдывает.

И облегчает боль.

Чем преданнее твое служение Искусству и Истине — тем меньше становится рядом истинно преданных тебе. А потом, когда ты остаешься и вовсе один на один с Вечностью, её ледяное дыхание становится колыбелью для твоей измученной души и единственным утешением там, за гранью всего Сущего. А то, что ты сделал — если делал честно, со страстью и смирением — остаётся в мире и само становится потом Искусством и Истиной.

Скажите — чудо?

Да. Но они всё-таки случаются. Я верю в это, но не жду их для себя.

Я не жду вас, чудеса.
Но вы приходите, если захочется.

Я не настаиваю.
Я просто живу так, как умею.

Возможно, я недостойна.
Но иногда...

Иногда я думаю, что, возможно, чудо, назначенное мне, столь велико, что судьбе никак не удастся протащить его в двери. Вот она и режет его на кусочки, а я расстраиваюсь, думая, что мне только осколки и достаются...

Что ж — пусть будут осколки. Или даже осколочки.
В них тоже отражается солнце...

Сентябрь 2025, Петербург

ОСКОЛКИ ПРОЗА 2016 -2025

РЫЖИК, ЛАРА — ДВЕ СЕСТРЫ

попытка сценария

*«Now I cry,
Broken inside
Now everything in my world seems wrong
Life is not a game
For boys and girls to play
And simply change the rules
When it don't turn out your way»
(We As Human «Broken Inside»)¹*

Место действия

Август, последняя декада перед сентябрем, ещё жарко днём, но холодает ночами. Утра ясные, тонко прорисованные, часам к десяти разгорается солнце, но осень уже даёт себя знать: в воздухе — свежесть и колкость подступающих заморозков, воздух прозрачен, краски и линии яркие, насыщенные, отчётливые. Пригородное шоссе, длинной узкой лентой прорезающее холмистую местность, среди зелени деревьев и раскинувшихся вдаль полей, укрыто словно боевым доспехом летящими по нему машинами. Они снуют деловито и беспорядочно — яркие жуки, жужелицы, божьи коровки, сверкающие цветные панцири, массовый исход... куда... зачем? Ехать, просто ехать, чтобы смотреть по сторонам, как в старой доброй Америке из старых фильмов, где принято постоянно переезжать с места на место, меняя работу, школу, штат, друзей и любимых, от которых потом остаются только старые фотографии и неясные воспоминания. Ах, эта старая, добрая Америка!

Огромный рекламный щит: Джулия Робертс — в рекламе L'Oreal. И с этого момента — знаменитая песня из фильма «Красотка», фоном, за кадром, но отчетливо распознаваемая. Камера выхватывает одну из машин в ленте (дорогую, сияющую полированными боками, с затемнёнными стеклами, и белую, обязательно белую), зависает сбоку — сзади, вдоль борта, заглядывая в открытое на две трети окно. Красивая рука, с тонким запястьем — на руле, дорогие часики, маленькие; аккуратный, с чуть скругленными линиями, корпус. Золото, тронутое бриллиантовой россыпью, кожаный ремешок, гладкая кожа, форма ремешка тоже чуть округлая в поперечном сечении, тёмно-красного цвета. Мы не видим лица женщины, только руку с часами на руле, и длинные, откиннутые назад волосы, светлые, отливающие пшеничным золотом, лежащие тяжелой, крупной волной. Музыка становится громче по мере приближения камеры к борту, становится понятно, что звуки песни идут из машины. Камера «снимается» с точки, отдаляется назад — вверх, отпуская и машину, и ленту шоссе. Песня стихает.

¹ We as Human — христианская рок-группа (Нэшвилл, штат Теннесси, США, была основана в 2006г. «Broken inside» — песня из их альбома «Burning Satellites», вышедшего в 2007-м.

Интерьеры

Начинается как скольжение камеры по разбросанным старым фото в сопровождении «К Элизе» Бетховена. Исполнение должно быть неуверенным, слегка запинаящимся, ученическим и с чуть дребезжащим звуком — как на старых записях.

Фото 1: Не очень хорошего качества, в углу, наверху, пометка «1993г.» на светлом кусочке подписано шариковой ручкой. На фото — дорожка перед обшарпанным подъездом пятиэтажки в поселке городского типа. Дверь распахнута, вдоль дорожки к подъезду — чахлые саженцы, скамейка. Время года — ранняя весна; оседающие сугробы, грязь, лужи. На дорожке — женщина в чёрном платке, приталенном тёмном пальто и коротких стареньких ботиках чуть не довоенного фасона держит за руки двух девочек, на вид пяти и десяти лет. У младшей на голове — два огромных капроновых банта, ярко-голубых в крупную синюю крапинку. На старшей — длинный, не по росту, непромокаемый плащ, синий с желтым, добротный, и явно с чужого плеча. Она смотрит в сторону, куда-то вдаль, отвернувшись от центра фото, куда-то за его край.

Фото 2: Портретное, снятое, видимо, в поселковом фотоателье: две школьницы в тёмных сарафанах и белых кофточках; одна — с чёлкой, хвост на самой макушке, ярко-рыжие волосы, лет десяти; вторая — старше, ей — пятнадцать или около того. Очень густые, золотистые с рыжиной волосы, причёска — два тяжелых хвоста, перехваченных чёрными резинками по бокам, под мочками ушей, переброшены вперёд на грудь. Взгляд у старшей — теперь через центр фотографии, но, как и на предыдущем фото, вновь — вдаль и вверх.

Фото 3: Широкое крыльцо типовой школы, над козырьком — растяжка «Последний звонок — 1999». Группа выпускников с учителями.

Фото 4: Девушка (старшая девочка с предыдущих фото), в длинном платье, сшитом в стиле староанглийских файеры — двухслойное, из цветного крепдешина, с зеленовато-синими и белыми разводами-вихрями, туманными и расплывчатыми. Длинные рукава, пережатые зелёными лентами над локтями; лиф, подхваченный под грудью тёмно-зелёным витым шнуром, дальше — от вниз от лифа — платье плавно расширяется; бархатная узкая чёрная лента придерживает распущенные волосы. В руках — несколько белых гвоздик, перевязанных такой же как в волосах, ленточкой.

Фото 5: Та же девушка, только старше на 10 лет, портретное фото явно из дорогой студии, снятое в три четверти. Она сидит в старинном кресле, на фоне алой, атласной драпировки. Прическа а-ля Greek, неширокая золотая лента низко через лоб, над начернёнными бровями, длинные тонкие цепочки-серьги, золотыми круглыми точками, воткнутые в мочки ушей, узкий и глубокий вырез бархатного чёрного платья. Окат плеча чуть спущен, обнаженные руки сложены на коленях. Ногти нежно-розово-перламутровые, миндалевидной формы — как жемчужины. В пальцах одной руки зажат тонкий янтарный мундштук с вставленной в него сигаретой, на другой руке — часики (такие же, как на женщине за рулем из Пролога).

Дальше быстро мелькают: она же в ресторане, на пляже, с мужчинами, с подругами, в бассейне, на каком-то модном показе.

И вновь стоп-картинка.

Фото 6: Вновь она, с какой-то женщиной, обе укутанные в длинные дорогие шубы, перед входом в салон красоты. Высокие сугробы у лестницы, маленькая новогодняя ель в горшке, на ступеньках курит охранник. Он с самого края фото, частично «срезан», но, тем не менее, виден отчётливо. Высокий, плечистый, густая шевелюра очень светлых, почти белых волос, хорошо видно лицо, так как он стоит внизу, у начала лесенки ведущей к входу в салон и, соответственно, ближе к камере, нежели две подруги.

Далее — меняясь медленно, внушительно — выразительно.

Фото 7:

Здание автосалона, машина (та же, что в начале фильма) перед входом в салон, обвязанная широкой розовой лентой, с огромным бантом на крыше. Мужчина, и всё та же девочка-девушка-женщина, стоят у распахнутых во всю ширь передних дверей автомобиля. На женщине простое трикотажное платье, белое, длинные волосы распущены, очень загорелая кожа. Просто и лаконично, единственная вызывающая деталь — закрытые босоножки-ботильоны, как у стриптизёрш — ярко-алые, лаковые; очень высокие каблуки и платформа.

Фото 8: Та же женщина — полусидит на крыле машины, в кадре отчётливо: номерной знак машины. Мужчина — у пассажирской передней закрытой (на этот раз) двери.

Фото 9: И вновь она — на водительском сиденье, дверь открыта, она придерживает её рукой, выглядывая из машины. Счастливое, смеющееся лицо.

День сегодняшний

Лара едет в машине. Звонит телефон, она хватается трубку, отвечает, даже не посмотрев на дисплей.

— Алло, да! Маша, ты? О, чёрт, не слышно ничего! *(кричит)* Я сейчас перезвоню!!!

Останавливается на светофоре. Заносит пальцы над дисплеем, нажимает, слушает:

— Занято. Вот непраха!

Телефон в руках взрывается звонком. Лара, трогая машину с места на зелёный сигнал, не глядя, проводит пальцем по дисплею:

— Да!! Да. А.. это ты.... Нет... Слушай, я перезвоню, да не могу я говорить, я за рулём, тут менты повсюду...

Скидывает звонок, не отрываясь от управления, тут же снова нажимает на дисплей, звонит сама.

— Блииин, занято!!!

Вставляет трубку в держатель, нажимает автодозвон и громкую связь. Всё это — продолжая «рулить».

Соединение.

Женский голос:

— Алло!

— Машуня, ну наконец-то дозвонилась! Я тебе весь список на почту кинула.

— Всё написала? Ничего не забыла?

— Да вроде всё.

— Ну, смотри, а то будешь потом, как в прошлый раз волосы на себе рвать...

Лара, с досадой:

— Ох, не напоминай! Машунь, послушай, я часа через три уже дома буду, ты посмотри пока, а я вернусь, сверимся ещё разок. И по сумме — тоже.

— Оки! Ну, давай, до связи. *(Собеседница отключается)*

Светофор. Лара смотрит на дисплей, тянется к телефону в держателе, нехотя, раздумывая, но тут загорается зелёный, сзади нетерпеливо сигналият.

С гримасой:

— А-а-а!

Машет рукой, и стартует рывком, рывкнув сигналом в ответ.

Парковка. Все места в проезде вдоль здания огромного торгового центра заняты. Лара паркуется в поперечном ряду почти напротив входа в салон. Продолжая держать руку на руле, поворачивает к себе запястье, смотрит на часы.

Удовлетворенно:

— 10.30. Как в аптеке! *(шумно вздыхает)* Чёртова рань!

Берёт сумку, выходит, щёлкает «сигналкой», идёт к входу в салон и исчезает за дверью.

Обычная жизнь парковки — в очень убыстрённом темпе. Но вот мельтешение останавливается.

С шоссе съезжает на парковку маленькая светло-зелёная машинка. Медленно едет вдоль центрального проезда и сворачивает в ряд, который «упирается» в салон красоты. Задом заезжает на свободное место (напротив машины Лары).

Девушка за рулем глушит мотор, откидывается на сиденье, подносит руку в наручных часах к глазам. Смотрит на циферблат.

— 12.45. Опоздаю. Может, не ждать сегодня? Опоздаю ведь...

Потягивается.

— Ладно. Полчасика посижу...

Садится прямо. Взгляд упирается в машину Лары, стоящую напротив. Подскакивает как ужаленная, резко подается вперёд всем телом:

— Господииии!

Лезет в бардачок, трясущимися руками торопливо роется там, вытаскивает сложенные пополам листы формата А4.

На них несколько распечатанных фото, чёрно-белая печать, изображения смазаны, затерты, видно, что распечатки сделаны давно, и не первый день «ездят» сложенными в бардачке, и разворачивают-складывают их часто. Начинает торопливо перебирать листы, выхватывает из середины уже знакомую нам фотографию — женщина (Лара) на крыле машины, перевязанной лентой с огромным бантом на крыше; хватает следующую — во весь лист капот машины и номерной знак. Смотрит на фото, на машину, стоящую напротив, снова на фото, и, поднимая несколько раз глаза, словно сверяя, проговаривает буквы и цифры номерного знака вслух.

— Не может быть... *(сцепив руки в замок, качает сложенные кулачки перед собой вперёд-назад, с радостной, азартной улыбкой игрока, только что сорвавшего крупный куш на глазах у всех, кто смеялся и не верил)*. Я всё-таки нашла тебя, Ларка!

Поворачивается назад; там, перегораживая сиденье, боком, среди разбросанных вещей, закреплённая ими, как в держателе, стоит огромная папка из плотного картона, с завязками. Говорит, обращаясь к ней, как к живому существу:

— Ну, вот теперь точно опоздаю *(разводит руками)*. Извини.

Машина, стоявшая рядом с машиной Лары (справа) уезжает, Девушка реагирует молниеносно — заводит мотор, срывает машинку с места, и лихо влетает на освободившееся место. Второпях, пролетает буквально в метре перед носом огромного джипа, который медленно катит по проходу.

Джип, яростно крикая, притормаживает, но сзади его подгоняет другая машина, сигналиит в свою очередь, и он, ещё раз прорывчав клаксоном, поворачивает в продольный проезд — к выезду с парковки. Девушка, открывает дверь, смотрит ему вслед. Произносит с чувством: «Ну, извини!». Закуривает. Ждёт.

Вот так встреча!

Лара идёт от салона к машине. Садится.

Девушка выходит из машины, стучит по стеклу пассажирской двери.

Лара опускает стекло.

Девушка заглядывает внутрь.

— Привет!

Немая сцена.

Лара, ошолбенело:

— Рыжик? Ты?

— Я.

Лара, перегибаясь, открывает ей дверь.

— Садись!

Девушка, забирается в салон. Смотрит на Лару, восторженно — мечтательно:

— -Сестрёнка! Какая же ты красивая!

Лара, улыбаясь, смотрит на неё:

— А ты всё такая же рыжая (*усмехаясь*) и задорная. Какими судьбами?

Сестра машет рукой:

— Долго рассказывать! (*Кивает в сторону «Макдональдса», яркая вывеска — чуть впереди, сразу за салоном*). Пойдём хоть кофе выпьем. С бутербродами. Ты ешь бутерброды?

Лара, смеясь:

— Ем, конечно же! Но в кафе не пойду. Тороплюсь.

Сестра меняется в лице, пожимает плечами и начинает медленно открывать дверь машины.

Лара хватается её за руку.

— Эй, ты что обиделась?

Прикладывает руку у груди, просительно:

— Ну, я, правда, не могу. Мы с Романом сегодня на очень важную встречу идём, мне нужно домой! (*внезапно, словно сообразив что-то*) Слушай, поехали ко мне. У меня еды полно, дома никого, а Роман раньше шести не приедет. У нас куча времени!

Сестра:

— Хорошо, поехали... (*хочет выйти из машины*)

Лара, снова останавливая её:

— Поедем на моей. Пусть твой Пегас тут постоит, я тебя потом или сама отвезу или такси вызову.

Сестра кладёт руку поверх Лариной ладони.

— Я только возьму кое-что. Подожди!

Выскакивает наружу, вытаскивает из салона своей машины огромную картонную папку, запикивает её в машину Лары, на заднее сиденье.

— Сейчас, таратайку закрою только...

Подходит к своей малолитражке, открывает багажник, смотрит внутрь (*долгая пауза*) потом медленно закрывает его.

Лара коротко сигналиит. Сестра машет ей рукой, снова открывает багажник, роется в нём, достает из дальнего угла небольшой сверток, запикивает в свою необъятную сумку, закрывает багажник, щёлкает брелком сигнализации, садится к Ларе в машину, сумку ставит между ног, на пол, перед собой.

Лара с интересом наблюдает за ней.

Сестра:

— Я готова, поехали!

Лара, трогая машину с места:

— Какой у тебя... ридикюль!

Сестра (*с той же интонацией*):

— Зато всё влезает!

— Что — всё?

— Ну, всё... вообще всё!

Лара, показывая назад:

— А там — что?

Сестра, нехотя:

— Рисунки.

— Твои?

— Мои.

— Не бросила?

— Нет.

Лара делает музыку громче, примирительно:

— Ну и хорошо. Сейчас приедем и под кофе с вкусняшками, я тебе — интерьер и гардероб, а ты мне — свою живопись...

Сестра, все ещё хмурясь:

— Тебе не понравится. Они чёрно-белые.

— Вкусняшки?

— Нет, рисунки...

Лара смеется.

— Зато у меня — «усё в цвете»...

Протягивает сестре руку ладонью вверх, та медлит секунду, потом звучно шлёпает по ней своей ладонью:

— Мир.

Шаг в прошлое

— Лара, открой! Ты слышишь меня?! Открой сейчас же!

Девушка бежит к двери, потом возвращается, лихорадочно сгребает всё, разложенное на большом обеденном столе в углу комнаты, освещённой только тусклым светом ночника. В полиэтиленовый пакет летят куски ткани, нитки, ножницы, девушка растерянно оглядывает комнату....

Голос не умолкает, теперь в дверь комнаты уже стучат.

— Лариса! Я кому говорю! Открой немедленно!

Девушка ногой подцепляет дверцу шкафа, швыряет пакет вниз на дно, сдвигает плотнее вешалки с одеждой, так же, ногой, закрывает шкаф и бежит к двери в комнату.

— Да иду я, иду, мам! Не кричи ты так, весь дом перебудишь!!

Щёлкает задвижка, потом сразу вспыхивает люстра под потолком. Девушка на мгновение зажмуривается, а вошедшая оглядывает комнату. Взгляд останавливается на неплотно прикрытой дверце шкафа, из-под которой торчит кусок ткани. В мгновение ока она оказывается рядом, распахивает дверцу и вытаскивает спрятанный пакет. Девушка бросается к ней. Резким движением мать переворачивает пакет над кроватью, и всё содержимое разлетается по покрывалу. Она хватается куски ткани, тычет ими прямо в лицо дочери.

— Ты!.. Да как ты посмела! Я тебя спрашиваю! Бабушкино платье!!

— Мама!

— Что «мама»?! Я спрашиваю, как ты посмела его взять?! Шалава!

Звучная пощёчина обжигает лицо. Девушка отшатывается, в глазах слёзы:

— Мама!! Да я же только ушить, оно просто будет на два размера меньше, оно же всё равно никому не нужно!!

— Да ты видно и впрямь с ума сошла, дрянь малолетняя! Замуж она собралась! За Генку, за альфонса этого? Да он тебя бросит через полгода, с платьем или без!.. Я тебе запрещаю! Слышишь?!!

Девушка молчит.

Мать поднимает разбросанные куски ткани, складывает обратно в пакет и протягивает дочери.

— Сшивай всё обратно. Времени тебе — до утра. Дверь запру, сестру можешь не звать, она спит, у неё завтра контрольная, да и не помощник она тебе.

Лара поднимает голову. Глаза вспыхивают яростью, губы кривятся.

— Сдала! Гадина мелкая, сдала меня, да, ведь так, ну скажи, это же она тебе настучала!!

Мать спокойно:

— Нет.

— Врёшь! Она одна знала! Знала, что я его взяла, что для себя взяла, для своей свадьбы. Теперь у матери в глазах вспыхивает та же ярость.

— Не будет тебе никакой свадьбы! Платье сошьёшь обратно, из дома чтоб — ни ногой.

Лара, подавшись вперёд, кричит:

— Да плевала я на ваши запреты, захочу — и выйду, и уйду, не остановите!

Мать складывает руки на груди.

— Храбрая! Ну, попробуй.

Лара, так же, криком:

— И попробую.

Мать, ледяным тоном, кивает в сторону двери:

— Выход — там. Не смею задерживать.

Мгновение Лара стоит молча, замерев, а потом вдруг срывается с места, хватая с крючка у двери плащ и сумку и стремительно выбегает из комнаты. Мать бросается следом, но не успевает, и тяжёлая входная дверь с лязгом захлопывается, разделяя её и Лару. Навсегда.

Шаг обратно

И вновь салон машины. Молчание. Музыка.

Лара, через силу:

— Как мама?

Пауза.

— Ну чего молчишь?

— Нет больше мамы.

Лара бьёт по тормозам. Сзади — какофония гудков, крики, мат... Лара включает аварийку, их начинают объезжать, гудя и высовывая кулаки и «факи». Лара поднимает стёкла, шум становится тише, она поворачивается к сестре всем телом:

— Как нет?

Сестра пожимает плечами:

— Умерла. В прошлом году. На Пасху. Я тебя с тех пор всё на этой парковке караулю.

— Караулишь?

— Ну да. Ты же нам о себе знать не давала, ни адреса, ни телефона, как тебя искать?

— И как же ты нашла?

— Случайно. (*Усмехается.*) По фоткам на страничке твоей. Всегда считала, что маразм полнейший эти сети социальные, друзья-подписчики — идиотство беспросветное, а вот поди ж ты, пригодилось... Вассал моего вассала не мой вассал, а подписчик твоего подписчика — мне друг, товарищ и брат..

— Рыж, давай короче!

— А я и так короче некуда... Фоток у тебя много, всяких разных... вот на одной из них тебя и поймала. Ты там с подружкой у ёлки новогодней, а ёлка — у входа в салон, а у салона — вывеска видна, но главное — охранник нечаянно в кадр попал!

— Господи, а охранник-то тут причём?

— А он сосед мой, ниже этажом. Я же тут рядом живу, за леском вон тем. Сюда — ваши виллы, туда — наши трущобы. В общем, всё как полагается: ягнята — направо, козлищи — налево.

Лара, улыбаясь:

— Ну не такие уж мы и разные, Ашан-то общий...

Сестра фыркает:

— Ашан-то общий, корзинки — разные! В общем, поняла я по фоткам, что ты где-то неподалеку живёшь, ну и как приеду, всё по сторонам смотрю, а иногда, если время есть, поближе к салону этому машину подгоню и сижу, жду. Вдруг ты приедешь, красоту наводить, а тут — я! (*усмехается, задорно*) Вот сегодня, видишь, дождалась.

Лара трогает машину с места:

— Ты с кем сейчас живёшь?

— Одна. А ты?

Лара, пропуская вопрос мимо ушей, бросает:

— Соскучилась, получается, раз караулила...

Сестра морщится.

— Да я бы сама и не стала... мама просила тебя найти. Найти и передать... на память.

— Что передать?

Сестра, внезапно зло и отрывисто:

— Тапочки.

— Что?

— Тапки твои, помнишь, мохнатые такие... она тебе шила.

Лара, угрюмо:

— Не помню.

— А как ты поколотила меня один раз, когда я их надела, тоже не помнишь?

Лара, так же:

— Не помню.

— Что же, мне их теперь — выкинуть?

Лара, коротко вздыхает:

— Ну зачем — выкинуть? Я заберу.

Сестра делает движение к сумке. Лара останавливает её:

— Сейчас приедем и отдашь.

Мир с иголочку

Парковка у дома. Лара ставит машину. Они выходят. Сестра берет сумку, Лара вытаскивает с заднего сиденья папку с картинами. Сестра делает движение в её сторону. Лара смеётся:

— Не уроню, не бойся!

Заходят в квартиру. Сестра, останавливаясь в холле:

— Ох, ничего себе!

Идёт в гостиную, восхищённо осматривается.

Лара начинает подниматься по лестнице на второй этаж, останавливается, спускается вниз за сестрой:

— Пойдём. Это Романа вотчина, мы здесь только ужинаем... иногда...

— А завтракаете?

— Завтракаем у меня в спальне, наверху (*пауза*), а обедаем — врозь (*коротко смеётся*)

Сестра идёт за ней, под нос себе:

— Да и живёте — врозь, похоже...

Громче:

— Он к тебе что, в гости ходит?

— Ну, можно сказать и так...

Сестра, начинает подниматься вслед за Ларой:

— Красиво живёте... богато... со вкусом!

Видит развешанные на стене вдоль лестницы картины и осекается на полуслове.

Лара, насмешливо:

— Ну как?

Сестра, уклончиво:

— Э-э-э, ничего...

— А если честно?

Сестра, с облегчением, радостно:

— Уродство!

Лара смеётся:

— Я ему передам. Он будет в ярости. Заходи. (*Открывает дверь*)

Сестра, в восхищении.

— Ну, вообще!

Ходит по гостиной. Осматривает, трогает, гладит — детский восторг и радость.

Лара кладет папку с картинами на круглый стол в центре гостиной.

Звонок телефона. Лара идет в гардеробную, сестра — за ней. Лара обсуждает заказ с Машей (байером), сестра ходит за ней по пятам, потом застывает около шуб, начинает их рассматривать, считает вполголоса:

Одна, две, три... Шесть... (*делает огромные глаза*).

Лара подходит к ней и, продолжая разговаривать, обнимает её за плечи:

— ...да, и шубу не забудь.. нет, соболь... знаю, что неноский, хочу... да, ту самую... в пол, ага... Да, вот именно «солнце-клеш — меня не трожь» ...нет, новую коллекцию ждать не буду... эту хочу... да и чёрт с ним.. Ага... и сколько получается? Триста тысяч... Нет, почему? Ну, разумеется, ... и плюс твои комиссионные... ладушки, договорились! Привезут — звони сразу же! Чао!

Сестра вытаскивает из ряда одну из курток, с белой норкой, прикладывает к себе:

— Ух ты! И сколько такая стоит?

Лара шепчет ей что-то на ухо. Сестра вешает куртку обратно. Со вздохом:

— Мне на неё два месяца работать!

Лара улыбается.

— Больше. Это в евро.

Сестра замирает, смотрит на Лару, потом машет рукой и снова начинает перебирать вещи, но теперь уже как-то вяло, нехотя, словно по инерции.

Лара, примирительно, желая загладить бестактность:

— Бог велел делиться, давай-ка подберем тебе что-нибудь!

Звонит стационарный телефон, Лара тянется к трубке, но тут включается автоответчик,

Звучит текст автоответчика. Лара машет рукой, выхватывает из ряда ту самую курточку с белой норкой, и протягивает её сестре. Та робко улыбается, берёт, просовывает руки в рукава....

Текст автоответчика заканчивается, дальше женский голос, задышающийся от слёз; когда он начинает говорить, сестра застывает, Лара тоже останавливается, видно, что ей хочется прервать запись, но она медлит; голос говорит с такой болью и страстью, что её это словно парализует:

— Ларочка, милая, это я, не могу тебя поймать, ты не перезваниваешь, подруженька, родная выручи, ты же знаешь, Стасику нужна операция, срочная, здесь не делают, только в Германии, он умрёт, Лара, ты слышишь, умрёт! Ларочка, милая, ну всего сто тысяч! Я знаю, ты можешь, у тебя же есть, Лара, помоги, прошу тебя, позвони мне, пожалуйста, Лара, ты меня слышишь?!!

Лара, срываясь, кричит:

— Нет!!!

Бросается вперёд, выключает телефон.

Сестра, подходит, дотрагивается до её руки, тихо:

— Кто такой Стасик?

— Сын её.

— Большой?

— Полтора года.

Сестра:

— Ужас какой!

Лара отворачивается, ровняет вешалки с вещами на кронштейне, не глядя на сестру:

— Да, не повезло бедняжке!

— Но ведь ты ей поможешь?

Лара молчит. Сестра хватается за руку, разворачивает к себе:

— Да или нет?

Лара пожимает плечами:

— У меня нет денег.

— Подожди, как нет?! Ты же... ты сейчас только заказала тряпки на сумму в три раза большую!

— Это для дела.

— Слышишь, ты что, совсем больная? Ты вообще понимаешь, что говоришь? Значит, шуба — это дело, а умирающий ребёнок — нет?

— Ну это же не мой ребёнок.

Сестра, медленно отстраняясь:

— Да, это аргумент. Не поспоришь.

Лара, уничтожающе:

— Да что ты понимаешь? Ты помнишь, сколько мне лет?

Сестра, вызывающе:

— Давно не виделись. Забыла.

Лара, шипит сквозь зубы:

— А я напомним. Тридцать три.

Сестра, насмешливо:

— Возраст Христа!

Лара:

— Ты — дура!! (*Обводит рукой вокруг*) По меркам этих джунглей, я — старуха!

Пауза.

Лара, устало:

— Ну, хорошо. Я дам ей денег. В следующем месяце.

— Почему не сейчас?

— Потому что сейчас у меня их нет. Мне Роман каждый месяц фиксированную сумму переводит, и в этом месяце я всё уже потратила. Мне и так теперь на одной гречке сидеть придётся, а я её терпеть не могу, да и желудок у меня от неё огнём горит. Дождусь следующего перевода — и дам.

Сестра:

— Ты — дождёшься! А он?

— Кто?

— Ребёнок! Он — дождётся?

Молчание.

Сестра, умоляюще:

— Послушай, ну ведь ты ещё ничего пока не купила! Ты же только заказала. Ну зачем тебе новая шуба, у тебя их вон, шесть штук висит...

Лара возмущённо вскидывает голову:

— Что ты понимаешь! Да их уже все видели! Это нельзя надевать!!

Сестра (*в ней вдруг просыпается что-то вроде азарта, научного интереса*):

— Ах, нельзя?! А что тебе ещё нельзя?

Садится в кресло, закидывает ногу на ногу а la Шэрон Стоун, прищуривается на Лару, и — копируя знаменитый фильм²:

— Огласите, пожалуйста, весь список!

Лара, презрительно:

— Хохмишь? Здесь тебе не деревня, здесь свои правила игры.

— Ах, вот оно что? Значит, пока ты их соблюдаешь...?

— Да, дорогая. Пока я их соблюдаю — у меня всё есть.

— А если нарушишь?

— А если нарушу — тогда у меня ничего не будет.

Сестра, спокойно:

— А у тебя и так ничего нет.

Лара в упор смотрит на сестру.

Звонок мобильного телефона. Лара берёт трубку.

— Да. Да. Нет. В этом месяце не смогу. Потерпи немного. (*открывает в компьютере календарь, смотрит в него*). Сейчас скажу... так.. давай пятнадцатого.. (*слушает ответ*) Ну почему месяц, не месяц, а двадцать два дня... (*слушает ответ, потом внезапно резко, зло*) Не нравится, ищи в другом месте!

Швыряет трубку.

— Надоела!

Сестра из кресла, спокойно и как-то отстранённо:

— Правильно тебя мама тогда выгнала.

Лара, внезапно, взрывом, словно её ударили:

² «Операция „БГ“ и другие приключения Шурика»

— Я сама ушла!!

Сестра, тоже кричит, так же:

— Она тебя выгнала!! Помнишь за что, или уже забыла??!! Забыла, как бабушкино свадебное платье на куски изрезала!

Лара, хватая её за плечи, кричит в лицо:

— Не изрезала, а перешила! Себе! На свою свадьбу, между прочим! А ты меня матери сдала!!! (*Топает ногой*) Скупердяйка чёртова, ей оно всё равно ни к чему было!!

Отворачивается от сестры, закуривает, руки дрожат.

Сестра подходит вплотную. Смотрит через плечо Лары куда-то вдаль, отрешённо, говорит плавно, напевно.

— Бабуля в нём первый раз замуж выходила, в сорок первом, за Гришеньку, как она его звала, у них даже брачной ночи не было, он из загса прямо в эшелон и на фронт, а через месяц убили его. Второй раз в сорок шестом выходила, уже в другом платье, а это — только в годовщину смерти Гришеньки доставала. Вечером достанет и плачет до утра, гладит рукой ткань и плачет... дед даже не ревновал, не сердился. Сам на цыпочках ходил, шикал на всех... после её смерти мама это платье как святыню берегла... (*вдруг, с яростью*) Сука ты, Ларка, ничего святого для тебя нет... (*всхлипывает, по-детски, обиженно*)

Лара тушит сигарету в пепельнице, садится в кресло, обхватывает голову руками, закрывая уши, будто прячась.

Сестра, нависает над ней, мстительно:

— Зря старалась! Бросил тебя твой принц ещё по дороге! Ехала в Москву замуж, а приехала на панель...

Лара, отрывает руки от ушей. Вскидывает голову.

— Я не проститутка!

Сестра:

— Да ну? (*обводит руками вокруг*) А это что? Если это всё — твоё, можно узнать каким местом ты это заработала? Господи-и! Мама перед смертью так плакала, всё в бреду прощения у тебя просила, что выгнала тогда, так каялась, так винулась!! А ты? Да ты же сейчас, вот только что, из-за какой-то шубы человека на смерть обрекла! Во что ты превратилась, Ларка?! В рабыню, в ноль, в ничто!! Тряпье это? Да ты в школе шила лучше, чем то, что здесь висит!! Деньги? Так они не твои, квартира — не твоя, всё, что на тебе надето — тоже не твоё, даже мысли у тебя в голове — и те чужие...

Лара, слёзы на глазах, кусает губы, снова закуривает.

Сестра внезапно успокаивается, подходит к Ларе, берет её за руку:

— А помнишь, как мы с тобой у Варвары Михайловны в ателье ночевали?

Лара, безразлично:

— Помню.

— Там ещё манекены портновские стояли, безголовые, мы с тобой полночи страшилки про них друг другу рассказывали?

Лара, оживляясь:

— А утром пришла Варвара и нашла нас, ругалась — страсть!

— Точно! А ты её ещё спросила, почему они все без голов, а она засмеялась и говорит: «А на что она им? Здесь я главная, что захочу, то и наденут!»

Отбрасывает руку Лары от себя, отворачивается, отходит в сторону. Лара молчит.

— Зачем тебе голова, сестренка? Шляпу носить? Ты шляпы-то хоть носишь?

— Нет. Я их не люблю.

Сестра вздыхает.

— И голова тебе нужна, только чтобы в неё есть...

Лара, внезапно вспыхивая, с угрозой:

— Убирайся!

Сестра вздрагивает, оборачивается, смотрит на Лару.

Лара (*так же*):

— Уходи, сейчас же!! Вон!

Сестра спускается по лестнице на первый этаж, идёт к двери. Лара идёт за ней, вплотную.

Сестра, через плечо:

— Можешь не провожать. Я найду дорогу.

— Я хочу удостовериться, что ты точно ушла.

Сестра кладёт руку на ручку входной двери, поворачивает её.

Лара, стоит у неё за спиной, очень спокойно:

— Ты забыла отдать мне тапочки.

Сестра, не поворачиваясь, говорит, глядя перед собой:

— А зачем они тебе? Куда ты их надевать будешь?

Лара, с нажимом в голосе, зло:

— Дома буду носить.

Сестра, равнодушно:

— Они к обоям в гостиной не подойдут.

Лара, хватая её за плечи, в ярости:

— Отдай. Мои. Тапки.

Сестра, не пытаясь освободиться, молча вытаскивает свёрток из сумки, поднимает высоко над головой. Лара вырывает его из рук сестры.

Сестра, словно ставя точку:

— Прощай.

Толкает дверь и исчезает за ней.

Лара молча стоит, бездумно глядя перед собой, потом поворачивается и поднимается к себе на второй этаж. Входит, закрывает дверь, прижимается к ней спиной. Лицо — мёртвое.

На глаза попадает папка с рисунками, лежащая на столе. Она смотрит на папку, подходит к столу, протягивает руку, касается верхнего листа, как бы желая открыть её, держит какое-то время руку на ней, потом резко выдыхает воздух, прикрывает глаза, убирает руку и начинает разворачивать свёрток.

Внутри — старые, когда-то бывшие белыми, сшитые вручную тапочки-калошки из искусственного меха. Лара надевает их на руки, медленно поворачивает ладони, рассматривая, и внезапно утыкается лицом в подошвы. Опускается на стоящий рядом стул, и плачет, так и уткнувшись в них лицом.

Вкус свободы

Парковка около дома Лары. С дороги сворачивает мощная дорогая машина, с рёвом подлетает к подъезду и замирает. Из неё выходит Роман (тот мужчина, что запечатлён на фотографиях у автосалона). Он невысок, коренаст, на нём дорогой костюм, сидящий как влитой. Мясистое лицо, высокий лоб с большими залысинами и властный, холодный взгляд. Во всём облике — сила, безжалостность и ум.

С заднего сиденья достаёт цветок — розу. Одну. Огромную. Тёмно-красную, почти чёрную, на невероятно длинном, толстом, шипастом стебле. Идёт в дом.

Внутри квартиры.

Лара в той же позе.

Снизу голос. Чуть насмешливо, интригуяще.

— Девочка? Ты где?

Лара отнимает руки от лица, продолжая всхлипывать, снимает с ладоней тапки, опускает их на пол, вытирает слёзы, прибирает волосы — всё медленно, обречённо.

Голос:

— Ты дома?

Лара молчит.

Дверь открывается. Вошедший окидывает её взглядом, по лицу видно, что ни одна деталь не ускользает от него, Лара молчит, он — тоже.

Подходит. Подносит розу к лицу Лары. Медленно проводит бутоном ото лба к губам, останавливает руку, прижимает цветок к её рту. Лара покорно вовлекается в игру, открывает рот, начинает покусывать цветок; он молниеносным движением, переворачивает розу из вертикального положения в горизонтальное и вталкивает стебель ей между зубов. Она крепко закусывает его. Роман разворачивает её спиной к себе, кладет руку на затылок, нагибает над столом, у которого они стоят. Берет её не раздеваясь сам и не снимая с неё ничего. Рука на затылке Лары, он держит её за волосы — так держат собаку за ошейник.

Камера — крупный план (сбоку, чуть сзади) и потом — спереди: лицо Лары, роза в зубах, кровь на губах — от шипов стебля. Рука мужчины, держащая её за волосы. Его голова в кадр не попадает, анонимность усиливает впечатление чего-то механического, неживого. Лицо Лары — очень крупно, под маской безучастия на нём разгорается ненависть.

Пытка окончена, она выпрямляется, поворачивается к Роману, на лице снова безучастие, глаза опущены.

Он рывком вынимает у неё изо рта розу, с раздражением:

— Ты плохо выглядишь.

Лара, словно бросаясь в прорубь, отрывисто:

— У меня проблемы.

Он, не мигая, смотрит на неё. Идет к камину, ставит розу в тонкую вазу, говорит уже спокойнее:

— Мы же с тобой договорились. В этом доме — есть только мои проблемы.

— А мои?

— А твоих — нет.

— Разве я не человек?

Он подходит ближе. Властно, не повышая голоса:

— Что у тебя случилось?

Лара отрывисто говорит, словно назло:

— Мама умерла.

Он меряет её взглядом, приподнимает бровь:

— Ты никогда о ней не говорила. Нужны деньги?

Лара, холодно:

— Нет.

— Тогда чем ты расстроена?

Лара, внезапно срываясь:

— Ты что, ничего не понимаешь? У меня умерла мама!!

Его лицо каменеет, взгляд становится злым, но голос всё так же спокоен:

— Понимаю. Соболезную.

Поворачивается, чтобы уйти, делает шаг, потом вдруг снова поворачивается к ней:

— А... когда она умерла?

Лара открывает рот, чтобы ответить. Он внезапно, резко, с силой:

— Не врать!

Лара вздрагивает всем телом, отвечает нехотя, словно преодолевая внутреннее сопротивление:

— Год назад.

Он складывает руки на груди и начинает хохотать. Смеясь, подходит к ней:

— И ты только сейчас это осознала?

Лара, подаваясь к нему, яростно, передразнивая его интонацию:

— Я только сейчас об этом узнала!

Их лица, оскаленные — одно в смехе, второе в ярости — вплотную друг к другу.

Он хватается её за ворот платья, подтягивает к себе, на её лице ярость сменяется ужасом.

Он перестает смеяться, чеканит слова:

— Как ты сказала? «Разве я не человек?» Ты это — всерьёз?

Резко отталкивает её от себя. Лара отлетает к столу, падает на стоящий рядом стул.

Он, холодно:

— Кто девочку платит — тот её и танцует, милая! (*Смотрит на часы*) Жду тебя внизу, в шесть.

Идёт к двери. Открывает её, с порога:

— Надень всё самое лучшее. (*Раздумчиво, словно самому себе*) Сегодня — очень большой день.

Возвращается, идёт к камину, забирает розу и идёт к двери.

Лара:

— Разве это не моя роза?

Он, не поворачиваясь:

— Ты её сегодня не отработала.

Выходит.

Лицо Лары крупным планом — слёзы медленно текут, немигающий взгляд. Она сбрасывает туфли, вдевает ноги в старые тапочки, лежащие там, где она их бросила.

Поворачивается к столу. И открывает папку. В ней — картины Рыжика, её сестры. На больших мягких листах, по типу бумаги для флип-чартов. Да собственно это она и есть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.